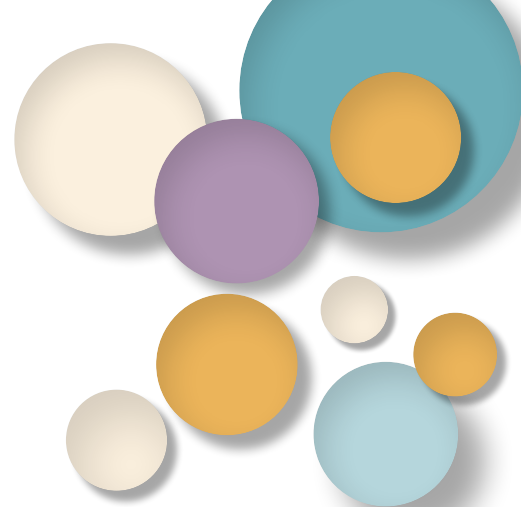

Андрей Дудчик,
зам. директора по
научной работе Института
философии НАН Беларуси,
кандидат философских наук

Междисциплинарные исследования

академического капитала как фактор развития современной науки

Типология форм капитала, предложенная одним из наиболее известных и влиятельных французских социологов 2-й половины XX в. П. Бурдьё, получила широкое распространение в мире, в том числе и за пределами академической среды. Например, о значимости и функциях социального капитала рассуждает в своей популярной книге «Элегия Хиллбилли» [1] действующий вице-президент Соединенных Штатов Америки Джей Ди Вэнс. Опубликованная в 2016 г., она считается экспертами важным источником понимания социально-культурного феномена «трампизм». Наиболее весомыми и известными видами капитала, анализируемыми Бурдьё, являются, наряду с собственно экономическим, социальный и культурный, также достаточно часто упоминается символический. Хотелось бы обратить внимание на еще один эвристически важный вид, о котором писал французский исследователь — академический, фиксирующий опыт и компетенции в области научной и образовательной деятельности.

Истолкование его сущности и функций в работах Бурдьё меняется с течением времени. Так, в классической книге «Различение: социальная критика суждения» [2], впервые опубликованной в 1979 г., социолог рассматривает данную категорию фактически как разновидность или даже производную от культурного капитала, хотя и могущую оказывать обратное влияние на показатели последнего. В данном случае речь идет о более поздней по времени характеристике и, соответственно, в меньшей степени влияющей на базовые социальные и познавательные свойства индивида. Схожая позиция отражена и в программной статье «Формы капитала» (1983 г.), где академический капитал представлен как вариант объективации культурного в форме академических квалификаций, что в свою очередь позволяет «установить пропорции обмена между культурным и экономическим капиталами» [3]. Более детально разные формы капитала в анализируемой среде представлены в книге 1984 г. «*Homo academicus*» [4] («Человек академический»), предлагающей эвристическую программу изучения социальной стороны научного знания. При этом важно отметить, что сам проект исследования – достаточно логичное следствие программной установки П. Бурдьё на критическую рефлексивность социологического знания. С этой точки зрения предметом анализа должна стать не только социальная реальность, но и сам ее субъект во всем многообразии своих связей с конкретными социальными условиями. Особенностью областей (в терминологии Бурдьё – «полей») науки и образования

является их во многом подчиненный (с точки зрения властных отношений – «доминируемый») по отношению к сферам политики и экономики характер, что, в частности, приводит к важной роли в их развитии символической составляющей и собственно символического капитала [4].

Понятие академического капитала по Бурдьё оказывается тесно переплетено с отношениями академической власти. Специфика последней в том, что она – одновременно и цель, желанный результат карьеры, и средство, орудие для решения других задач. В главе «Виды капитала и формы власти» Бурдьё на основании анализа большого массива данных об академических карьерах во Франции выделяет показатели, отображающие положение, влияние и власть в поле научной и образовательной деятельности:

- *социальные факторы*, формирующие часто неосознаваемые предрасположенности, привычки, черты («габитус»); экономический, социальный (связи и отношения), культурный виды капитала, в том числе социальный и культурный капитал родителей, супругов и даже бабушек и дедушек;
- *образовательный капитал*, производный от указанных выше форм; здесь же отмечена важность возрастных показателей: поступления в университет, получения степени, должности и т.д.;
- *капитал университетской власти*: руководящие должности, вхождение в состав комиссий, комитетов, жюри и т.д.;
- *капитал научной власти*: руководство научными коллективами, изданиями, подготовка исследователей,

членство в комиссиях, советах и т.д.;

- *капитал научного престижа*: награды, членство в академиях, почетные звания, участие в международных конгрессах, переводы на иностранные языки и т.д.; научный или интеллектуальный престиж, хотя и менее объективируем в виде сравнимых или исчислимых показателей, является более стабильным и ассоциирован с конкретным индивидом и его именем, в то время как университетская власть – это скорее функция от занимаемой позиции; в целом значимость имени с точки зрения академического капитала сложно переоценить, что находит отражение даже в сфере обыденного словоупотребления; Бурдьё с иронией замечает, что одна из ключевых ставок в научном мире – «сделать себе имя» [4];
 - *капитал интеллектуальной известности*: членство во Французской академии (научное заведение, связанное с тематикой языка и литературы, поэтому относимое не к чисто научным, а к литературно-культурным институциям), упоминание в энциклопедических изданиях, выступления и сотрудничество со СМИ, научно-популярные публикации;
 - *капитал политической и экономической власти*: политические и государственные должности, членство в комиссиях по планированию, работа в учреждениях, занимающихся подготовкой администраторов, государственные награды и т.д.
- Еще один важный фактор при изучении академической среды –

время как один из видов капитала. Использование бюджета времени и в целом инвестирование в те или иные виды научной деятельности для приобретения научного капитала также предполагают разнообразие стратегий и подходов. «Как любая форма власти, которая слабо институционализирована и исключает делегирование представителям, собственно университетская власть может быть накоплена и сохранена лишь ценой постоянной и значительной траты времени»; и далее, «накопление специфического капитала академического авторитета требует жертвовать собой, то есть расплачиваться своим временем, для того чтобы контролировать сеть институций, где накапливается и осуществляется университетская власть» [4].

Бурдьё выделяет канонические и новые дисциплины. Первые в большей степени носят нормативный характер; они ориентированы на поддержание сложившегося статус-кво, представленного в виде канона подходов, идей, текстов; в них в меньшей степени востребована принципиальная новизна, а риторический акцент при описании научных достижений делается на «серьезности», согласно правилам и нормам, значимости и фундаментальности темы и т.п. К ним можно отнести медицину, право, историю французской литературы, классическую филологию, философию и т.д. Эти дисциплины в большей степени касаются образовательной системы, механизмов воспроизводства посредством образования, а также формирования корпуса будущих преподавателей. «Правила игры» для канонических предметов определены и представлены эксплицитно, однако карьерный успех требует серьезных временных затрат.

Напротив, нестандартные («еретические») дисциплины в большей степени ориентированы на инновационность полученных результатов, что ведет к критическому переосмыслению уже сложившихся представлений. Это могут быть относительно новые дисциплины (этнология, лингвистика, социология), либо случаи применения передовых методов в канонических областях (социальная или экономическая история). В них еще не устоялись рутинные карьерные траектории, что дает возможность быстрее достичь определенного академического успеха, однако вместе с тем и увеличивает риск карьерной неудачи. Сравнивая карьерные траектории в канонических и новых дисциплинах, Бурдьё ссылается на Э. Рейтер и П. Трипье, выделявших две противоположные стратегии научного производства: ««минимизаторы», стремящиеся сократить риски и создающие труды, отвечающие по своим методам и объектам действующим нормам (докторская диссертация), и, с другой стороны, «профессионалы», связанные чаще всего с исследовательскими институциями и создающие короткие работы, которые рассчитаны на быстрый вклад в науку» [4]. Отдельно отметим последнее наблюдение о жанровых различиях (диссертация/монография и статья как основной жанр или единица научной продукции соответственно) и временные и скоростные параметры (условно «медленная» и «быстрая» дисциплины).

Ученик Бурдьё Л. Вакан предлагает различать два главных типа капитала: собственно академический, связанный с контролем над материальными, организационными и социальными инструментами воспро-

изводства научных и образовательных институций, и интеллектуальный, ориентированный на научный престиж и признание со стороны коллег. Следовательно, научные дисциплины можно классифицировать по степени преобладания в них одного из этих видов [5]. Сам Бурдьё, анализируя постоянно воспроизводящийся в истории «спор факультетов» и сопряженные с ним дискуссии, строит типологизацию не по внутринаучным критериям, а по степени влияния социального порядка в целом. Это позволяет ему выделить два противоположных полюса, на которых находятся естественнонаучные дисциплины («научный полюс»), ориентированные в большей степени на научные критерии признания заслуг, и правовые и медицинские («светский полюс»), в которых нормативная составляющая преобладает над исследовательской и инновационной. Некое промежуточное положение между ними занимают социальные и гуманитарные области.

Здесь следует отметить специфику французской ситуации в целом и периода 1960–1970-х гг. в частности, о чем пишет и сам Бурдьё, и авторы критической литературы по теме. Для Франции характерна тесная связь гуманитарной науки и художественной литературы, науки – с публичным пространством и общая сложная конфигурация соотношения социального и культурного капитала.

Для своего времени работы Бурдьё казались революционными. Например, публикацию книги «*Homo academicus*» сам автор считал радикальным и одновременно рискованным с точки зрения научного сообщества жестом. Об этом он пишет отдельную главу, озаглавленную

«Книга для сожжения?», с отсылкой к сочинению китайского буддийского философа-неконформиста Ли Цзы. Сегодня его рассуждения о власти и неравенстве, социальных механизмах функционирования науки вызывают гораздо меньше споров.

Некоторые из его идей нуждаются в уточнении или серьезном развитии. Приведем лишь один пример. Бурдьё достаточно мало анализирует индексы цитирования, с одной стороны, отмечая существенные расхождения в роли подобных показателей для разных дисциплин и организаций, с другой – открыто связывая их с американской традицией социальных наук [4], которую он критиковал за ее неолиберальный характер и «империалистическое» навязывание своих стандартов, подходов, категориально-понятийного аппарата и проблемного поля [6]. Конечно, подобные наукометрические показатели играют гораздо более существенную роль в динамике академического капитала. Так, социологами науки и представителями соответствующих областей изучаются цитаты и практики цитирования как элементы эпистемического (как ресурса, который автор использует для придания веса своим суждениям) и социально-символического (индекс цитируемости автора) видов капитала. Но, в отличие от цитат как уже достаточно привычного элемента научной жизни, особый интерес вызывает анализ практики выражения благодарностей, достаточно распространенной в современном научном письме. Как правило, в книгах и статьях присутствует отдельный раздел, где автор выражает признательность или благодарность людям или организациям, которые внесли вклад в подготовку статьи, в том числе –

финансовый. Так, Е. Петрович в своем недавнем исследовании «поздней аналитической философии» рассматривает в научных текстах структурную роль благодарностей и приходит к выводу, что они выполняют важную социальную функцию, конституируя единое научное поле как сообщество, к которому автор демонстрирует свою принадлежность. Благодарности таким образом «создают общую систему социальных координат... посредством которой может распространяться престиж и происходить обмен символическим капиталом» [7]. Активное применение количественных и цифровых методов, и в частности компьютерных технологий, позволяет обрабатывать значительные массивы данных, что делает выводы более обоснованными. Особый интерес помимо собственно научных текстов вызывают их метаданные: название, структура, классификация, аннотация, ключевые слова, цитаты, благодарности и т.п.

Конечно, рост значимости академического капитала для научной карьеры имеет целый ряд негативных последствий – от моральных и психологических до социальных и экономических. Один из примеров попытки привлечения широкого внимания к этой проблеме – опубликованное в 2016 г. известным специалистом в области психологии профессором Принстонского университета Йоханессом Хаушофером «резюме неудач» [8]. В отличие от стандартных резюме, в которых, как правило, отражаются основные достижения ученого, Хаушофер описал примеры своих наиболее впечатляющих промахов: образовательные курсы и программы, на которые он не был зачислен; должности, на которые не был принят;

награды и стипендии, на которые выдвигался, но не получил; отклоненные редакциями научные статьи и т.д. Одна из задач этой публикации, согласно мнению автора, – продемонстрировать, что научные успехи имеют свою оборотную сторону, порой невидимую, а временные неудачи – частый спутник самой успешной научной карьеры.

Обращаясь к академическому капиталу более 40 лет назад, исследователи, и в том числе П. Бурдьё, полагали, что уже сам факт изучения этой области жизни будет иметь положительный эффект, объективируя и выявляя властные отношения, способствуя более справедливой оценке научных достижений. Эти проблемы приобретают еще более острый характер, однако уже накопленный опыт изысканий, в том числе сравнительных, разработанный методологический инструментарий и новые технические возможности позволяют, по крайней мере, осознать их и сделать предметом научного и общественного обсуждения. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вэнс Д.Д. Элегия Хиллбилли. История жизни одной семьи в условиях кризиса / Д.Д. Вэнс. – М., 2021.
2. Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgement of taste / P. Bourdieu. – Routledge, 1987.
3. Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. 2005. Т. 6. №3. С. 60–74.
4. Бурдьё П. Homo academicus / П. Бурдьё. – М., 2018.
5. Wacquant L. Sociology as socioanalysis: Tales of Homo Academicus / L. Wacquant // Sociological Forum. 1990. Vol. 5, №4. P. 677–689.
6. Бурдьё П., Вакан Л. О хитрости империалистского разума // <https://censura.ru/articles/rusedimperialism.htm>.
7. Petrovich E. A Quantitative Portrait of Analytic Philosophy. Looking Through the Margins / E. Petrovich. – Springer, 2024.
8. Haushofer J. CV of failures // https://johanneshaushofer.com/Johannes_Haushofer_CV_of_Failures.pdf.